

Размышления о несправедном судействе

Это я говорю для тебя, а не для толпы: ведь каждый из нас для другого стоит битком набитого театра.

Эпикур

На написание этих заметок меня натолкнуло заметное увеличение в средствах массовой информации тем, связанных с судебной реформой. И хотя писать я буду не о ней, сказать об этой проблеме несколько слов считаю необходимым.

Сразу хочу оговориться. Вопрос судебной реформы — вопрос сложный. И я не собираюсь излагать свое о ней и ее концепции мнение, хотя оно и имеется. Цель моя — показать некоторые болевые узлы практического правоприменения, которые находятся в системной связи с состоянием правосудия, как института общества.

О судебной реформе сказано много, а можно сказать еще больше. Но хочется всем говорящим о ней — от авторов соответствующих президентских указов до витийствующих публицистов — задать конкретный вопрос: что же вы под ней понимаете? Какие задачи ставите? Что рассматриваете в качестве важнейших направлений? И в ответ услышать набор правильных, но пустых слов о защите наших с вами прав и свобод, о независимости судей, о совершенствовании законодательства... И еще мнение о каких-то технических нововведениях, например, о создании отдельного суда по корпоративным спорам. (Последнее высказывается, кстати, весьма достойными людьми, доведенными до крайности невозможностью добиться защиты своих прав в нынешних реалиях; последующие слова к этим людям не относятся).

Тогда хочется задать следующий вопрос: господа, а вы в ваших цивилизаторских высях знаете, что у нас вообще-то какое-никакое право есть? И есть даже органы, его применяющие, то есть суды? И еще вопрос: а как вы думаете, какие задачи изначально поставлены перед существующей судебной системой? Ответу — те же самые, что вы ставите перед судебной реформой.

Вот и давайте посмотрим на суды непредвзято. Без гнева и пристрастия, как говорили ещё в Древнем Риме. Говорить я буду в основном о судах арбитражных, так как чаще именно их деятельность затрагивает интересы делового сообщества, но некоторые примеры приведу и из практики судов общей юрисдикции.

Грибоедовский вопрос — а судьи кто? Десятилетия негативного отбора сделали свое дело. Судейский корпус — плоть от плоти общества. Причем, именно всего общества, и не его наиболее образованной и воспитанной части. В этом месте положено написать: *я уверен, что есть и достойные люди, более того, их большинство.* Я и в самом деле уверен, что есть достойные люди, но так же уверен, что их катастрофическое меньшинство. Всем, даже не юристам, известно нашумевшее несколько лет назад решение Конституционного суда, названное в народе решением о добросовестном приобретателе. Кто объяснит, почему более семи лет (судьи арбитражных судов меньше) все судейское сообщество, включая Верховный Суд, не могло прочесть закон и, следовательно, нагло его попирало. Кто измерит глубину человеческих страданий? А ведь Конституционный Суд просто прочитал закон, что называется, вслух и с выражением. И не более того. Ладно, теперь хоть правоприменители знают, что такое виндикационный иск. А что такое негаторный? Почитали бы хоть учебник О.С. Иоффе по гражданскому праву 1967 года издания, что ли.

Три маленьких примера, первые два — районные суды моего родного Петербурга, третий — Верховный Суд (!) России, или РФ, как ее называют не получившие хотя бы некоторого воспитания судьи, то есть практически все.

Судья подделывает протокол судебного заседания, подделывает нагло и неумело, подделка очевидна. Следует жалоба в квалификационную коллегия судей, жалоба на подделку, а отнюдь не на решение, его ещё нет. Ответ: если вы недовольны решением, обжалуйте его в кассационном порядке.

Когда, кстати, дело доходит до вынесения решения, оно основывается, в том числе и на результатах подделки. Проигравшая сторона рассматривает протори и убытки, прикидывает затраты (не только денежные) на восстановление справедливости ... И решает плюнуть на это дело.

Бывшие супруги судятся из-за прав на квартиру. Побеждает муж, который и получает решение о выселении жены. А весь фокус в том, что она там и не живет, а живет их взрослый сын с женой и годовалым ребенком. Участником процесса сын не был. Судья выдает разъяснение решения, в котором говорится о том, что должен быть выселен и сын. Бедолага пишет частную жалобу, ее через месяц рассматривают и, естественно, удовлетворяют. Но он к тому времени из квартиры уже выселен.

В Верховный суд подана кассационная жалоба на решение Петербургского городского суда. (Суть дела — отмена регионального закона). Стороны прибыли, сидят в зале, ждут очереди. Зал постепенно пустеет, наконец в нем остаются четыре человека (по два от каждой стороны). Председательствующий вопрошает, что они здесь делают, дела, мол, все рассмотрены. Те отвечают, что прибыли по вызову. После краткого разбирательства с предъявлением телеграммы судьи начинают шепотом препираться. Импровизированное совещание длится восемь минут. В результате один из судей уходит. Возвращается он с делом минут через двадцать (дело толщиной с три пальца). Председательствующий смотрит на часы, спрашивает, будут ли стороны говорить, или и так все ясно. Однако стороны хотят говорить. Во время речей суд оживленно, со смешками, о чем-то шепчется. После речей уходит на совещание и через полторы минуты выносит определение. Не говорю о сути дела, говорю о его толщине — три пальца. Не потрудившись ознакомиться с делом, не выслушав сторон...

Добавлю, что дело происходило в пятницу летом. Может быть, именно в этом и есть корень вопроса?

Хочу отметить, что взятка обоснованно предполагается только во втором случае. В первом — судья насаждает справедливость, как ее понимает, методами Глеба Жеглова, в третьем — суд демонстрирует менталитет паспортистки в жилконторе. В первом примере обратите внимание на реакцию квалификационной комиссии. Для справедливости отмечу, что бывает и иная реакция.

Сразу уточню, примеры не отбирались, а взяты наугад из великого множества.

Судейский корпус в значительной части плохо образован профессионально и почти не образован в плане общей культуры, в еще более значительной части страдает полным отсутствием понятий о чести и достоинстве. Мне кажется, что причина всех бед, включая коррупцию и ангажированность, лежит именно здесь. Не будет человек чести брать взятки, не будет хорошо образованный человек работать хуже, чем способен, не будет человек, обладающий чувством собственного достоинства, прогибаться под «административный ресурс»...

В обществе много говорится о коррумпированности и безнаказанности судей. Говорится чаще всего справедливо. При этом чаще всего подразумевается, что пороки системы возвращают судей. Это верно лишь отчасти. Кто-то из выдающихся русских правоведов, если не ошибаюсь, В.Н. Кудрявцев, сформулировал причину любого преступления как результат взаимодействия установки личности и давления среды. По-моему, исчерпывающе. И, в общем, можно отнести к любому человеческому поступку. Если попросту, то есть возможность получить взятку, то есть давление среды, и есть та или иная реакция — или негодование, или слюни по подбородку, то есть установка личности.

Было бы ошибкой считать, что в основе незаконных судебных актов лежит исключительно мздоимство. Существуют ещё два фактора — ангажированность и нежелание разбираться в деле. Есть и четвёртый — профессиональная неграмотность, но он лежит за рамками этой статьи. Вот и посмотрим на эти три фактора внимательно.

Коррупция? Не без того ...

Подходит начинающий судья к опытному и говорит:
— Представляете, какая ситуация. Истец с иском занёс сто тысяч, а ответчик вчера принёс сто двадцать. Придётся истцу сто теперь отдавать.
— Нет, салажонок! Отдай двадцать тысяч ответчику и суди по закону.

Анекдот, популярный в юридических кругах

Я далёк от мысли идеализировать наши суды, но поверьте, подавляющее большинство арбитражных дел по вопросам, касающимся обычной хозяйственной деятельности, решается без взяток. Основных причин этому три: во-первых, большинство судей всё-таки не взяточники (я не оговорился), во-вторых, «не несут-с», в третьих, трудно вынести **устойчивое** несправедливое решение перед лицом очевидных фактов (во все инстанции нести — дороговато будет, а отмена решения не украшает послужной список судьи). Но есть, конечно и исключения. Но и они, как правило, связаны не с прямым судебным решением, то есть не с теми словами, которые идут в судебном акте за словом «Решил:».

Довольно крупный сток-магазин задолжал приличную сумму, причём просрочка превысила полгода. На момент подачи иска уже было известно, что количество кредиторов множится, как и суммы совокупного долга. И судья, в производстве которой находилось уже несколько аналогичных дел, отказывает в наложении ареста на счёт, мотивируя это тем, что нет оснований считать, что ответчик неплатежеспособен, а ограничения помешают ему

успешно торговать.

Итог: к моменту вынесения решения (в пользу истца, само собой) в магазине нет ни имущества, ни денег (отданы за долги другим «кредиторам»), сам магазин продан гражданину Израиля, там и проживающему, а новый директор — отставной прапорщик, ничего не понимающий и сам не получивший зарплаты. А бывший хозяин и директор переехал в другой город. На переезд, видимо, собирал ...

А вот пример изощрённого использования коррупционного ресурса.

Застройщик и генподрядчик хотят построить элитный многоквартирный дом в одном из самых престижных мест города. И заключают соответствующие договоры. Застройщик, однако, не сумел выполнить свои обязательства ни перед субъектом Федерации, ни перед партнёром (все отпущенные три года пытался приступить к нулевому циклу). В результате пятно застройки у него отобрали. А через два года по совершенно новым основаниям безо всяких даже намёков на правопреемство передали бывшему генподрядчику.

Между бывшими партнёрами остались, по мнению генподрядчика, какие-то нерешённые вопросы. Он вынес их в суд и выиграл. И вдруг, уже после постройки дома, появляется явно надуманный иск бывшего застройщика. Ответчик идёт в суд и за двадцать минут дело выигрывает; в суде, как обычно, оглашена только результативная часть решения.

*В организации ответчика все спят спокойно, пока не получают полный текст решения. А в нём из трёх с половиной страниц текста (это вместе с шапкой и техническими отметками) почти две страницы занимают рассуждения о совместной деятельности сторон с выводом, что она имела место быть (ни в исковом заявлении, ни в отзыве на эту тему ни слова). Суд, то есть, установил факт совместной деятельности, который **не надо доказывать** в других судах. Понимающему достаточно.*

И всё-таки, эти и им подобные случаи скорее исключения. Там, где взятки даются, другая сторона и её юрист в процессе, как правило, не участвуют. Вот характерный пример.

Организация заключила договор с железной дорогой о строительстве в полосе отчуждения торгового комплекса, землю даёт дорога, строит за свой счёт организация, собственность на здание и доходы — пополам. Но на участке самострой в виде кафе-гадючника. Добром съезжать не хотят. Компаньоны идут в суд и довольно быстро выходят на решение, оно, согласитесь, совершенно очевидно. И вот перед уходом судьи в совещательную комнату ответчик просит слова и говорит, что он признаёт иск, но просит истцов об одолжении: из их разговоров он понял, что работы начнутся в октябре, а сейчас март; он просит отсрочки до сентября, а за это сам в срок снесёт своё кафе. И истцы соглашаются, что находит отражение в судебном акте.

Ответчик после этого обращается с заявлением об установлении юридического факта — права собственности на строение (дело, естественно, попадает к другому судье). Мотивация: в своё время здание законно построил некий кооператив, но документы потеряны, затем кооператив был закрыт, и все документы потеряны. Но перед ликвидацией кооператив продал здание ответчику, и документы, как вы уже догадались, потеряны. Поверьте, я не преувеличиваю и не передёргиваю. И судья... в первом же заседании устанавливает юридический факт. Истцы, естественно, не только о решении, но и поданном заявлении, ничего не знали. Ответчик получает свидетельство о собственности и продаёт здание женщине, прописанной в комнате, где прописаны ещё около двухсот душ. И когда приставы пришли исполнять выселение ООО «Мартышкин труд» и снос незаконно возведённого строения (ответчик, понятно, обещание нарушил), они увидели перед собой законно возведённое строение, принадлежащее мадемуазель Пупкиной. Незаконное решение было, естественно, с первого захода отменено (что заняло около трёх месяцев), но необходимо было ещё решить вопрос с Пупкиной... Решили. За семь месяцев.

Чтобы покончить с коррупцией, расскажу трагикомичную историю, системно связан-

ную с рассматриваемой проблемой. Директор нашей компании была приглашена на совещание в многоотраслевой производственный холдинг. Темой совещания была довольно обычная правовая ситуация, в которой была, однако, пара нюансов. По итогам совещания нам предложили эту ситуацию разрешить. Соглашение было достигнуто по всем вопросам, наша директор стала прощаться, и тут генеральный директор холдинга говорит ей, что она ещё не назвала сумму для суда. Из дальнейшего разговора выяснилось, что обслуживающий в течение пяти (!) лет холдинг адвокат на каждый (!) суд брал деньги «для судьи». Повторюсь — подавляющее большинство арбитражных дел по вопросам, касающимся обычной хозяйственной деятельности, решается без взяток. А если юрист говорит, что в суд надо «занести», это, скорее всего, означает всего лишь, что, во-первых, он просто увеличивает своё благосостояние, а во-вторых, что дело ваше изначально выигрышное.

Признаками коррупции в судах являются, чаще всего, вынесение судебных актов по делам, по которым обижаемая сторона не привлекается, и которые её формально не затрагивают, но фактически повлияют на её права в будущем; реже — разрешение вопросов, не поставленных изначально ни истцом, не ответчиком; ещё реже — мотивация выносимых по частным вопросам определений, явно не соотносимая с заявленными аргументами. И, как правило, в коррупционных решениях отсутствует «процессуальная наглость» в оценке доказательств, её место может занимать «процессуальная наивность».

Необходимое примечание. Соратники, читавшие эти заметки в процессе их написания, задавали вопрос, а почему я не пишу о проявлениях коррупции при проведении рейдерских операций, например о печально известных исках миноритарных акционеров и их обеспечении? Отвечаю — по двум причинам. Во-первых, рейдерство и смежные процессы представляют собой совершенно отдельную, весьма специфическую, тему, а здесь разговор идёт об обычной, мирной, жизни предприятия; во-вторых, читатели моего любимого журнала и так получают достаточно много разноплановой информации об этом явлении.

Ангажированность как она есть

Честь — весьма странная штука. Она обходится нам подчас несказанно дорого. Но в день, когда решаешь жить без неё, пред ликом Божиим теряешь всякое отличие от дикого зверя.

Вальдар Камдил, герцог Камварон

В арбитражных судах ангажированность проявляется чаще всего в судебных спорах с участием властных и околовластных структур. Там, где она проявляется просто «по знакомству», она является скорее подвидом коррупционного поведения и носит все его приметы. Поэтому о «частной» ангажированности говорить не будем, она, кстати, и не слишком распространена. И речь у нас пойдёт о явлении, которое не совсем точно называют административным ресурсом.

Сразу скажу, что административный ресурс не имеет повсеместного распространения. Дело в том, что прямая зависимость судей арбитражных судов (а говорим именно о них) от властей субъекта Федерации крайне мала (косвенная, конечно остаётся — улучшение жилищных условий, например, и прочие удовольствия). В ещё большей степени это относится к расположенным в конкретном субъекте апелляционным судам и судам федеральных округов. Вместе с тем, руководство судов статусно находится на одной горизонтали с высшими чиновниками органов управления субъекта, включая губернатора, и с высшим руководством региональных управлений федеральных органов власти, а это подразумевает довольно плотное ритуальное и «светское» общение.

Изложенное предполагает, что при использовании административного ресурса речь идёт не о давлении, а о взаимных услугах. И возникает нюанс — губернатор может обратиться

ся (да и то, если проблема очень уж для него значима) к председателю суда или к его заместителям, а вот к рядовым судьям ... К рядовому судье обратится уже председатель, и отнюдь не бесспорно, что к его мнению прислушаются. А дела между судьями распределяются по определённым правилам, нарушать их чревато.

Вот и возникают анекдотические случаи.

Комитет (региональное министерство) обиделся на орган СМИ, который описал неприглядную ситуацию с элитными земельными участками под индивидуальное жилищное строительство. Обратился к «клеветникам» с иском и ... проиграл. На одном дыхании подал апелляционную жалобу — опять плачевный результат.

Убедившись в тщетности своих усилий, в кассационную то инстанцию комитет явился во всеоружии административного ресурса (все три суда находятся в одном городе). А для того, чтобы дело нормальным порядком попало к нужному судье, пропустил срок подачи кассационной жалобы. И подал заявление о восстановлении срока, которое, понятно, было удовлетворено. Мотивация заявления выглядела примерно так: мы не подали заявление вовремя, потому что не знали, куда и что писать, а когда узнали, то срок был пропущен; считаем эти обстоятельства безусловно убедительной причиной. (Немного передёргиваю, но совсем немного).

Ответчик, орган СМИ, написал отзыв на жалобу, в котором содержался, среди прочего, следующий пассаж: «Мы приветствуем решение о восстановлении срока. Если бы мы знали о его подаче, мы бы его поддержали по аналогии права об особой защите интересов лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут сами полноценно защитить свои права».

Этот же текст был оглашён в судебном заседании перед тремя судьями.

Результат — в удовлетворении кассационной жалобы отказано.

Хочется обратить внимание на один необъяснимый для меня изыск права. В стране в сфере цивилистики существуют два процессуальных закона — Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) для судов общей юрисдикции и Арбитражный процессуальный кодекс (АПК) для арбитражных судов. И логика в этом есть, у этих судов есть своя специфика. Но нет специфика в базовых моментах осуществления правосудия!

Тем не менее, ГПК устанавливает, что заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока рассматривается в судебном заседании, при этом лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания; на определение суда о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока может быть подана частная жалоба (статья 112). А арбитражный суд, в соответствии с АПК, рассматривает этот вопрос без извещения лиц, участвующих в деле, и обжаловано может быть только определение об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока (статья 117). То есть в арбитражном суде можно восстанавливать сроки по самым фантастическим мотивам, и это даже теоретически не может быть оспорено. А давайте зададимся вопросом, могут ли у юридического лица в принципе уважительные причины для пропуска сроков? Незнание законов, тупость директора и тому подобное уважительными считать не будем.

Можно было бы привести и ещё один аналогичный и совсем свежий пример восстановления пропущенного по столь же уважительной причине срока, теперь уже из апелляционной инстанции, и жалобщик — региональное управление федерального органа; тенденция, однако!

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось иронически-снисходительное отношение к судебской ангажированности. Она, как и коррумпированность, зло страшное. И может создавать крайне тяжёлую ситуацию для тех, против кого обращена.

Один о-о-очень крупный региональный чиновник возглавляет одновременно достаточно влиятельную некоммерческую организацию, ведущую, кстати, весьма прибыльную коммерческую деятельность (никто, надеюсь, не сомневается, что прибыль идёт исключи-

тельно на уставные цели?). О моральной и правовой стороне такого совмещения говорить не будем.

Для простоты чиновника назовём Наполеоном, а организацию — Базой.

База заключила договор аренды сроком на пять лет, причём арендовала практически целиком здание, расположенное в весьма престижном месте среди органов власти и учреждений как регионального, так и федерального уровней. Через год с небольшим Наполеон сделал руководителю организации-арендодателя предложение, от которого тот сумел отказаться. Замечу в скобках, что предложение не имело отношения к аренде. Наполеон, в величии своём, изволил разгневаться и переехать.

База направила арендодателю письмо, в котором, ссылаясь на мифические обстоятельства, предложила договор расторгнуть. На что арендодатель, спланировавший свою деятельность, ответил отказом. Повода разорвать договор не было, поэтому База, найдя новое помещение (третье, кстати, за пару лет), просто съехала, прекратив платить арендную плату.

Опережая реальный иск, Наполеон, полностью задействовав немалый административный ресурс, обратился в суд с иском о расторжении договора, ссылаясь при этом на некие надуманные сложности в использовании помещений. А разбирательство с этими сложностями задевает интересы разных авторитетных организаций, в числе которых, страшно сказать, и подразделение президентской администрации. И ответчик, ничтоже сумняшася, заявил на предварительном слушании безобидное ходатайство о привлечении этих организаций в качестве третьих лиц без самостоятельных требований.

Своевременно был подан и встречный иск о взыскании арендной платы, База не доплатила её даже за тот период, пока занимала помещения физически.

Встречный иск суд не принял, так как посчитал требования не взаимосвязанными (!). А ходатайство отклонено по мотивам того, что стороны и так изложили свои позиции, пока и так всё понятно (как будто третьи лица привлекаются для понимания!), а вот если что-то будет в дальнейшем, тогда и посмотрим.

Посмотрим на ситуацию и мы, забыв про конкретные стороны и не задаваясь результатом. С этого момента рассуждаем умозрительно. Весь доход арендодателя проистекает исключительно из сдачи помещений в аренду. Сдать помещения он не может, так они уже сданы (есть зарегистрированное обременение на праве собственности, договор же длительный). Налоговая инспекция требует уплаты налогов с сумм зарегистрированной арендной платы. Если даже он выкидывает белый флаг, то помещения, сданные оптом, он будет сдавать порознь. В нынешней ситуации даже относительно быстрое нахождение арендаторов на дорогие площади вряд ли возможно.

Теперь о процессе. С момента прекращения оплаты до предварительного судебного заседания прошло три месяца. Основное назначено через полтора месяца; оно из-за обилия бумаг должно быть отложено, средний срок — ещё месяц. То есть до вынесения решения пять с половиной месяцев. Иск о взыскании арендной платы (бывший встречный) приостановлен до вынесения решения по иску о расторжении договора, так как другой судья, неангажированный, усмотрел их, исков, взаимосвязанность.

Решение выносится в пользу Базы, написание его в окончательном виде максимально (на пару недель) затягивается, последствия для судьбы в этой ситуации никакие; если даже апелляционная жалоба пишется сразу, её рассмотрение возможно не ранее, чем через полтора месяца. Итого семь месяцев. Семь месяцев содержания большого здания без поступления денежных средств, да ещё в ожидании иска налоговой инспекции. Кстати, теоретически возможное вынесение решения в пользу арендодателя ничего в отношении сроков не меняет.

Независимо от того, в чью пользу выносит свой акт апелляционная инстанция, следует кассация. А это ещё три месяца. К этому моменту арендодатель полностью обескровлен и лишён всяких ресурсов, временных, финансовых и прочих. Возможная победа станет сродни победе известного царя государства Эпир.

При ангажированном поведении, в отличие от коррупционного, как раз имеет место «процессуальная наглость», ангажированный судья знает, что ему ничего не будет; его даже

не схватят за руку, он же не берёт Хотя целью настоящей статьи не является разработка конкретных рекомендаций по преодолению ангажированного или коррупционного поведения, замечу всё же, что при первых же признаках ангажированности следует уделить внимание не только чисто юридическому обоснованию своей позиции, но и тактике проведения судебных заседаний, явной, например, аудиозаписи с последующим приобщением её к протоколу судебного заседания. Арендодатель из последнего примера привёл в судебное заседание корреспондента из ангажированного, но уже им, делового издания. Свою роль сыграло

Большинство дел в арбитражных судах можно свести к формулам «поставил товар (работу, услугу) — не заплатили» или «заплатил — не поставили (поставили не полностью, нарушили сроки или качество)». Я не говорю, что в таких делах нет нюансов, но они, в принципе, предсказуемы. Я говорю лишь, что в них нет места административному ресурсу, а, следовательно, и ангажированности. Уверяю, что даже упомянутый выше Наполеон не прибегает к этим методам в рядовых делах своей некоммерческой организации.

Необходимо уточнить, что это не значит, что в таких делах административный ресурс не используется, ещё как используется, но вне сферы деятельности судов. Например, оптового продавца косметики, которому крупно задолжал магазин, пригласили в очень высокий кабинет, где предложили войти в положение должника; вы, мол, и сами не без греха, и товар у вас не пока не растаможен, да и переговоры с банком о кредите ведёте Но это уже за пределами темы.

И ещё одно. Подавляющее большинство дел, инициированных предприятиями в отношении налоговых органов, СЭС, пожарных, таможни и прочих радетелей за народное благо и государственный карман (прямо скажем, и не только государственный), выигрываются. Думаю, этих дел было бы больше, если бы некоторые предприниматели не боялись бы генетически государства, а шли бы в суды, вместо того, чтобы давать взятки. Сама статистика говорит о практическом отсутствии ангажированности в таких делах (а коррупция между государственными органами — нонсенс); нету путей пересечения районной налоговой инспекции и судьи арбитражного суда субъекта Федерации!

Резюмируя — как коррупция, так и ангажированность, хотя и преодолели некий порог заметности, не являются повсеместным явлением в арбитражных судах, их проявления значительно реже, чем кажется участникам делового оборота. Но повода для оптимизма здесь нет — раковые метастазы тоже представляют собой доли процента от здоровых клеток, но влияют на весь организм.

И реплика в сторону. Выше я написал, что коррупция между государственными органами — нонсенс. Это так, но есть одно, не относящееся к деловой жизни, исключение: *некоторые* мировые судьи, сидящие на административных делах по линии ГИБДД, грешат и коррупционностью, и ангажированностью. Поэтому при составлении инспектором ГИБДД протокола не забудьте написать о желании рассматривать правонарушение по месту своего жительства.

Вас много, я одна ...

Долг судей — вершить правосудие, а их ремесло — оттягивать его; и многие судьи знают свой долг и продолжают заниматься своим ремеслом.

Жан де Лабрюйер (1645-1696)

Если зайти в арбитражный суд первой инстанции, протиснуться через забитые рекреации и посчитать списки дел на дверях залов заседаний, то начинаешь удивляться не тому, что судьи иногда не хотят разбираться с делами, а тому, как они вообще могут работать.

На дело отводится десять-пятнадцать минут, и рассмотрение большинства из них в

эти сроки укладывается. Но попадаете такое, что идёт полтора-два часа, весь график рушится И судья делает всё, чтобы уберечь своё здоровье. Границы этого «деланья» определяются профессиональными и человеческими качествами судьи, а об этих качествах уже говорилось в начале настоящих заметок. Но о профессиональных хочется сказать отдельно.

Прежде всего, принципиальное замечание — законы пишутся не для юристов. Их в сфере своей деятельности и частной жизни может и должен знать и понимать каждый грамотный человек (что, кстати, и имеет место быть в реальности, просто большинство этого не замечает, относясь к юристам как к носителям сакрального знания). Просто как у хорошего врача помимо его осознанного желания значительную часть мыслительных процессов занимают заболевания, у хорошего кройщик фасоны и модели, так и у хорошего юриста это правовые аспекты разных явлений. В силу этого он не только должен знать законы применительно к самым разным сторонам деятельности, но и понимать логику законодательства, взаимосвязи между элементами права. Так, например, если речь идёт, скажем, о договоре поставки, то необходимо учитывать не только нормы, содержащиеся в соответствующей главе второй части гражданского кодекса, но и положения о договоре, общие положения об обязательствах, раздел о сделках и другое.

А теперь оглянемся вокруг на своём рабочем месте и скажем себе, много ли среди представителей разных профессий мы видим специалистов, достойных носить звание хорошего инженера, бухгалтера и так далее То то и оно, и профессия юриста исключением не является. А судьи такие же юристы, как и юрисконсульты, адвокаты, прокуроры и прочие.

И этого уровня чаще всего хватает: как уже говорилось, большинство тяжб просты по фабуле и разрешаемы без особых трудностей. Но «чаще всего» не означает «никогда». Есть касающаяся всех нас отрасль права, в которой не обязан разбираться каждый грамотный человек, это процессуальное право. Вот, например, истец имеет право изменить основание и предмет иска. А по поводу того, что считать основанием и предметом, точного «единомыслия» среди юристов (тех из них, которые вообще задаются этим вопросом) нет. И заверяю вас, если заявленное требование об изменении основания или предмета иска затянет процесс или заставит судью прилагать особые умственные усилия, то в половине случаев это требование не будет принято во внимание. В ещё большей степени это относится к праву истца увеличить размер исковых требований; объединить несколько требований в одном иске или принять встречный иск.

Справедливости ради хочу заметить, что нежелание разбираться в деле нередко иницируется у судьи действиями истца (роль ответчика более пассивна; кроме того, в этих случаях проще отказать в иске, чем удовлетворить его). Ниже я приведу один пример, а пока добавлю немного позитива: по настоящему сложные многоплановые дела разбираются достаточно тщательно. И этому есть простое объяснение: дела эти, как правило, значительны по сумме, затрагивают стратегические интересы сторон; в силу этого они хорошо готовятся, представители структурируют доказательства и правильно их подают. И судья при таких обстоятельствах выступает в идеальной роли арбитра, к тому же он заранее планирует своё время, получая заблаговременно и своевременно все необходимые данные. А теперь добавлю негатива: как раз такие дела несут в себе коррупционный заряд.

А теперь обещанный пример.

Предпринимательница на пустом месте создала успешную компанию в сфере железнодорожных перевозок. А потом пригласила в состав участников с равными с собой долями трёх школьных подруг и возлюбленного, который трудился у неё личным шофёром. (Всем героям истории около пятидесяти лет.) Мало того, возлюбленного, чтобы он не страдал комплексом неполноценности, она сделала директором. Эта идиллия длилась около пяти лет, а потом начались недоразумения, она написала им всем некое мутное, полное упреков, послание, которое они приняли, якобы, за заявление о выходе. И вывели её из состава участников, при этом ума не хватило выплатить ей полную долю. Предложили ей тридцать тысяч вместо примерно сорока миллионов.

И она пошла в суд, требуя эти миллионы. Основания для восстановления в числе учредителей у неё были ясные — пресловутое послание и пара разного значения докумен-

тов, на которых были подделаны её подписи. И она их принесла, но они утонули в ворохе иных бумаг, вплоть до её писем дочери возлюбленного и характеристики с места работы его жены. И, главное, они не имели никакого отношения к размеру компенсации.

Надо отдать должное судье, та вытянула ниточку из клубка и сама предложила истице изменить предмет иска, просить о восстановлении статус-кво. Та отказалась, заявив под протокол, что она не желает восстановления. В промежутках между заседаниями (а их было пять), она терроризировала суд многостраничными заявлениями, имеющими весьма отдалённое отношение к делу. И, наконец, заявила ходатайство о проведении психологической экспертизы для установления истинных побуждений ответчиков. На этом терпение судьи лопнуло, и она в иске отказала ...

Не хочу быть понят так, будто я оправдываю судью, она должна была и могла разобраться в деле, отбросив всю шелуху, для этого надо было лишь приложить усилия. Я просто хочу показать роль истицы в достигнутом результате.

Нежелание судьи работать по делу это явление, с которым надо бороться превентивно, готовя самым тщательным образом документы, выстраивая позицию и подтверждая её выверенными аргументами. Полезно ссылаться на мнения Высшего и местного окружного арбитражных судов как общего характера, так и по конкретным делам — цинично говоря, в них, как и в трудах Ленина, почти всегда можно найти подтверждение своей точки зрения. Это не значит, что с таким нежеланием нельзя бороться в суде, можно, но далеко не всегда. Можно обжаловать только те определения, которые прямо указаны в АПК, и те, которые препятствуют движению дела. Остальные — только в общей апелляционной жалобе. Апелляционный суд не может отправить дело в первую инстанцию, он, в случае недочётов, должен рассмотреть его по существу, то есть как суд первой инстанции. Такие случаи, наверное, бывают (хорошо бы прикинуть к ним коррупцию и ангажированность), но в практике нашей компании их не было. Прошу не путать это со случаями, весьма нередким, когда апелляционная инстанция изменяет решение, по иному оценив доказательства.

В заключение должен, к сожалению, констатировать, что никаких реальных шагов по изменению ситуации со стороны власти я не замечаю. И хотелось бы завершить на оптимистической ноте, но Разве что вот такое — давайте строить острова нормальной жизни, соединять их в архипелаги, а там, глядишь, наши дети и будут жить уже на материках стабильности и предсказуемости.